

УДК 811.511.13*367.624
DOI 10.17223/18137083/54/29

С. А. Сажина

*Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар*

Консонантизм языка кировских пермяков

Статья посвящена рассмотрению специфики языка кировских пермяков, территориальной разновидности коми языка, функционирующей в условиях изолированности от основного этнического массива и сильного воздействия окружающих русских говоров. Предметом настоящего исследования являются фонетические особенности идиома. В частности, внимание уделено системе консонантизма: рассмотрены артикуляционная характеристика и дистрибуция согласных, а также фонетические явления в области консонантов. Эмпирическую базу исследования составили языковые материалы диалектологических экспедиций автора в район проживания кировских пермяков в период с 2002 по 2012 г. В консонантизме исследуемого идиома выявлены специфические особенности: 1) имеющие общекоми характер, 2) свойственные ареалу коми-пермяцких и южных зырянских диалектов, 3) обнаруживающие параллели лишь в южных коми-зырянских диалектах. Определенное влияние на систему согласных оказали окружающие русские говоры.

Ключевые слова: диалектология, коми-пермяцкий язык, коми язык, кировские пермяки, фонетика, консонантизм.

Язык кировских пермяков, традиционно именуемый верхнекамским наречием коми-пермяцкого языка, представляет собой уникальную форму коми языка, развивавшуюся в определенных исторических и социальных условиях. Исследуемый идиом распространен в верховьях Камы, на территории Афанасьевского района Кировской области. Начиная с конца XIX столетия число носителей верхнекамского наречия неуклонно снижается. Сегодня полноценными носителями языка являются немногочисленные представители старшего и пожилого возраста. Все они являются билингвами, свободно владеющими русским языком. Анализ возрастного состава представителей исследуемого наречия свидетельствует о том, что передача коми языка в семье была окончательно прервана примерно во второй половине XX в. (60–70-х гг.). В ситуации языкового сдвига изучение языка кировских пермяков приобретает особую актуальность. Документирование, синхронное описание данной территориальной разновидности коми языка с целью

Сажина Светлана Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982, Россия; sazin@sazinas@rambler.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 1
© С. А. Сажина, 2016

сохранения максимально подробной информации о ней является одной из главных задач современной коми диалектологии.

Функционирование верхнекамского наречия в условиях изолированности от основного этнического массива, сильное воздействие окружающих русских говоров способствовали формированию в нем целого ряда особенностей на всех уровнях языка.

Консонантная система исследуемого наречия характеризуется наличием 26 исконных (/б/, /п/, /в/, /г/, /д/, /д'/, /ž/, /ž'/, /ж/, /з/, /з'/, /ј/, /к/, /л/, /л'/, /м/, /н/, /н'/, /р/, /с/, /с'/, /т/, /т'/, /ч/, /ч'/, /ш/) и 4 заимствованных (/ф/, /х/, /ц/, /р'/) фонем.

1. Артикуляционная характеристика согласных и их дистрибуция

1.1. Губные согласные. Фонема /п/ – шумная, смычная взрывная, ртовая, губно-губная, глухая, твердая. В пределах слова встречается в любой позиции: 1) в анлауте: [про́кмыны] ‘мочь, уметь’, [па́с'кыд] ‘широкий’, [пыза́н] ‘стол’, [пож] ‘сито’; 2) в инлауте: [чу́пны] ‘рубить (сруб)’, [ча́пкис] ‘бросил’, [ту́пкыны] ‘закрыть’, [т'е́пы'с] ‘рукавицы’; 3) в ауслауте: [шеп] ‘колос’, [оро́п] ‘рукоять’.

Фонема /б/ – шумная, смычная взрывная, ртовая, губно-губная, звонкая, твердая. Встречается во всех позициях: 1) в анлауте: [бо́с'ны] ‘брать, взять, покупать’, [ббж] ‘хвост’, [бус] ‘пыль’; 2) в инлауте: [ббб'с] ‘дверь’, [абы] ‘нет, не’, [нбба́льны] ‘нести, отнести что-л., кого-л.’; 3) в ауслауте [ыб] ‘поле’, [быкб'б] ‘все’.

Фонема /м/ – сонорная, смычная носовая, губно-губная, твердая. В употреблении позиционно не ограничена: 1) анлаут: [ме] ‘я’, [мбс] ‘корова’, [мб'ч'ч'ыд] ‘второй раз’; 2) инлаут: [о́мб'ла] ‘плохо’, [кбмтбг] ‘без обуви’, [ве́рмыны] ‘мочь’; 3) ауслаут: [ч'ом] ‘клеть’, [се'шбм] ‘такой’, [го'жбм] ‘лето’, [дбрб'м] ‘рубашка’.

Фонема /в/ – сонорная, щелевая срединная, ртовая, губно-зубная, твердая. В исконных простых словах ограничена анлаутом, что обусловлено «эловым» характером верхнекамского наречия: [вы́] ‘масло’, [вбч'ны] ‘делать’, [ва́йны] ‘принести’, [вбр] ‘лес’, [вбл] ‘лошадь’ и др. В инлауте она наличествует: 1) в исконных словах [кват] ‘шесть’ и производных от *лов*- ‘душа’ ([лов'ја] ‘живой’, [лова́льны] ‘дышать’¹); 2) в начале второго компонента сложного исконного слова: [таво́] ‘в этом году’, [чу́жва] ‘сусло’; 3) в суффиксе существительных *-овка/-овка*, имеющем значение ‘единичный предмет из множества’ либо деминутивное значение: [ту'с'бвка] ‘зернышко’, [с'у'бвка] ‘зернышко ржи’, [зб'рбвка] ‘зернышко овса’, [пе'совка] ‘полено’, [т'е'ровка] ‘бревнышко’; 4) в заимствованном из русского языка суффиксе относительных прилагательных *-бвой*: [с'у'бвб] ‘ржаной’, [вуры'нбб] ‘шерстяной’, [мб'сбб] ‘коровий’; 5) в форме аккузатива личного местоимения 3 лица ед. числа [је'вб]/[е'вб] ‘его’, заимствованной из русского языка; 6) в русских заимствованиях: [правл'е'н'н'е] ‘правление’, [д'ере'вн'а] ‘деревня’, [бви'н] ‘овин’, [ч'е'рква] ‘церковь’ и др. В ауслауте встречается в исконном слове [лов] ‘дух, душа’ и русских заимствованиях: [вос'ем'реб'б'н'ков] ‘восемь детей’, [п'ят' метрбв] ‘пять метров’.

В верхнекамском наречии хорошо сохранилось и регулярно употребляется исконное общепермское начальное [в] в таких словах, как [вы́] ‘масло’, [вб'жны]

¹ Произношение данного слова не подчиняется звуковому закону сохранения этимологического [л] в ауслауте и инлауте перед согласным в эловых диалектах. Аналогичное произношение слова, производные от *лов* ‘душа’, имеют в эловом верхнесысольском диалекте коми языка: [лбвшы] ‘дыхание’, [лбвалны] ‘дышать’, [лбвйбн] ‘живьем’ и др.

‘тонуть’, [вит] ‘пять’, [во́дны] ‘лечь’, [во́лыны] ‘приходить’, [вон] ‘брат’, [вож] ‘ветвь’.

Анлаутному [в] вторичного происхождения, возникшему в большинстве коми-зырянских диалектов из общепермского неслогового [ʋ] [Лыткин, 1957, с. 112], в верхнекамском наречии, как правило, соответствует [о]: [о́рсны] ‘играть’, [оро́п] ‘рукоятка, черенок’, [о́] ‘ночь’ (ср. кп. [о́рсны], [оро́п], [о́]; кз. [ворсны], [вороп], [во́]; вс. [о́рсны], [о́роп], [о́]). Этой звуковой закономерности не подчиняется произношение слов [во́дорлун] ‘позавчера’, [во́доро́] ‘в прошлом году’ с инициальным [в]. Зафиксированы и единичные случаи произношения слова [во́] с начальным [в].

Начальному [в] большинства коми-зырянских диалектов, развившемуся перед анлаутным закрытым [ө] [Там же, с. 114], в верхнекамском наречии соответствует [о]: [оштыны] ‘потерять’, [ом] ‘рот’ (ср. кз. [воштыны], [вом]; уд. [вөштыны], [вөм]; вс. [өштыны], [өм]; кп. [өштыны], [өм]).

Фонема /ф/ – шумная, щелевая срединная, ртовая, губно-зубная, твердая. Сфера функционирования этого согласного ограничивается русскими заимствованиями: [куфа́ечка], [анфи́са], [фл’ага], [сарафа́н], [марфа́].

1.2. Переднеязычные согласные. Фонема /т/ – шумная, смычная взрывная, ртовая, дорсальная, глухая, твердая. В функционировании не ограничена, встречается: 1) в анлауте: [том] ‘молодой’, [тулыс] ‘весна’, [те] ‘ты’; 2) в инлауте: [сето́н] ‘там’, [уз’ышта] ‘посплю’, [во́рти] ‘по лесу’; 3) в ауслауте: [ич’о́т] ‘маленький’, [с’ет] ‘отдай’, [го́рт] ‘дом’.

Фонема /д/ – шумная, смычная взрывная, ртовая, дорсальная, звонкая, твердая. Характерна для любой позиции в слове: 1) анлаута: [до́ро́м] ‘рубашка’, [до́нзыны] ‘доставаться’, [дыш] ‘ленивый’; 2) инлаута: [вердны] ‘кормить’, [коди] ‘кто’, [пыко́дяс] ‘подпоры’; 3) ауслаута: [ко́з’ыд] ‘холодный’, [ог то́д] ‘не знаю’, [сы ко́д] ‘с ним’.

Фонема /с/ – шумная, щелевая срединная, ртовая, дорсальная, твердая, глухая. Встречается в пределах слова в любой позиции: 1) в анлауте: [се то́н] ‘там’, [си́ ја] ‘он’, [се шо́м] ‘такой’; 2) в инлауте: [ыста́ лны] ‘отправлять’, [из’а́ со́н] ‘соломой’, [кыска́ лны] ‘таскать, возить’; 3) в ауслауте: [мо́с] ‘корова’, [о́бо́ с] ‘дверь’, [ту́ лыс] ‘весна’.

Фонема /ш/ – шумная, щелевая срединная, ртовая, какуминальная, глухая, твердая. Функционирует: 1) в анлауте: [шо́ктыны] ‘велеть’, [шан] ‘хороший, добрый’, [шо́тны] ‘складывать (снопы в овин)’; 2) в инлауте: [о́штыны] ‘потерять’, [кышо́д] ‘одежда’, [зоншо́н] ‘мальчишка’; 3) в ауслауте: [ош] ‘медведь’, [но́ш] ‘колотушка’. Увеличение частотности употребления данной фонемы в верхнекамском наречии произошло в результате деаффрикатизации (см. раздел 2.5.1): [кышо́м] < [кычо́м] ‘какой’, [шо́ктыны] < [чо́ктыны] ‘велеть’.

Фонема /з/ – шумная, щелевая срединная, ртовая, дорсальная, звонкая, твердая. Возможна в любой позиции слова: 1) в анлауте: [зо́р] ‘овес’, [заро́д] ‘стог’, [зон] ‘сын, мальчик’; 2) в инлауте: [го́рзыны] ‘плакать’, [кылзы́сны] ‘подслушивать’, [изны] ‘молот’; 3) в ауслауте: жо́з ‘люди’, д’ез ‘веревка’, кыз ‘толстый’.

Фонема /ж/ – шумная, щелевая срединная, ртовая, какуминальная, звонкая, твердая. В функционировании не ограничена, встречается: 1) в анлауте: [жу́г] ‘мякина’, [жу́гасны] ‘сломаться’, [жын’н’а́н] ‘колокольчик’; 2) в инлауте: [ги́жны] ‘писать’, [га́жа лны] ‘хотеть’, [го́жым] ‘лето’; 3) в ауслауте: [ва́ж] ‘старый’, [бо́ж] ‘хвост’, [ди́ж] ‘пиши’. В результате процесса деаффрикатизации (см. раздел 2.5.3) в языке Кировских пермяков произошло увеличение частотности употребления рассматриваемой фонемы: [жо́ж] < [žož], [у́жа лны] < [užалны] ‘работать’.

Фонема /ч/ – шумная, смычная аффриката, ртовая, какуминальная, глухая, твердая. Встречается в любой позиции слова, но в результате деаффрикатизации

([ч] > [ш]), имеющей широкое распространение в исследуемом идиоме, ее частотность ниже, чем в других коми диалектах: 1) в анлауте: [чак] ‘гриб’, [чыкны] ‘портиться’, [чыг] ‘голодный’; 2) в инлауте: [еча] ‘мало’, [бычкыны] ‘колоть, уколоть’, [ычкыны] ‘косить’; 3) в ауслауте: [поч] ‘жердь’, [н'ич] ‘мох’.

Фонема /ž/ – шумная, смычная аффриката, ртовая, какуминальная, звонкая, твердая. Сфера функционирования ограничена инлаутом в результате процесса деаффрикатизации (см. раздел 2.5.3): [уна`зык] ‘больше’, [кокн'ы`зык] ‘легче’.

Фонема /н/ – сонорная, смычная носовая, дорсальная, твердая. В функционировании не ограничена, встречается: 1) в анлауте: [н'оша`лны] ‘бить’, [ныл] ‘девочка’, [ныр] ‘нос’; 2) в инлауте: [ju`ны] ‘пить’, [вуза`лны] ‘продать’, [мындат'о] ‘сколько-то’; 3) [о`тк'он] ‘в одиночку’, [с'ин] ‘глаза’, [варта`н] ‘молотильный цеп’.

Фонема /л/ – сонорная, щелевая боковая, ртовая, дорсальная, твердая. Встречается в пределах слова в любой позиции: 1) в анлауте: [лы`с'тыны] ‘доить’, [лым] ‘снег’; 2) в инлауте: [т'ол'о`дны] ‘выветривать, проветривать’ [ту`лыс] ‘весна’, [с'ера`лны] ‘смеяться’; 3) в ауслауте: [тул] ‘втулка’, [j'ол] ‘молоко’, [ег а`ж'ылы] ‘не видел(а)’.

Фонема /р/ – сонорная, дрожащая, ртовая, какуминальная, твердая. Позиционно не ограничена: 1) анлаут: [рыт] ‘вечер’, [ра`ка] ‘ворона’, [рез'о`дны] ‘разрушить, сломать’; 2) инлаут: [ку`ртны] ‘сгребать’, [т'е`рка] ‘дом, изба’; 3) ауслаут: [в'ор] ‘лес’, [з'ор] ‘овес’, [важ'онсо`р] ‘давненько’.

Фонема /р'/ – сонорная, дрожащая, ртовая, какуминальная, мягкая. Сфера функционирования – русские заимствования. В отличие от других коми диалектов [р'] встречается не только в начале и середине слова, но и в абсолютном конце: [р'ад'ышком] ‘рядышком’, [кор'ушка] ‘корь’, [кудр'ав'ој] ‘кудрявый’, [тр'ап'юыс] ‘тряпье-то’, [бе'р'остоыс] ‘из бересты’, [л'ехар'] ‘лекарь’, [звер'] ‘зверь’.

Фонема /ц/ – шумная, смычная аффриката, ртовая, дорсальная, глухая, твердая. Встречается в русских заимствованиях: [троица], [бол'н'ицаын], [продавец], [цыган'яс], [мат'н'ица], [мес'ец], [цел'ој]. Наблюдаются случаи употребления [ч] вместо [ц]: [богород'ич'а] ‘богородица’, [ч'ерква] ‘церковь’, [крыл'еч'] ‘крыльцо’, [ч'ид'итны] ‘цедить’, [жеребеч'] ‘жеребец’, [мес'еч'] ‘месяц’, [г'олбыч'] ‘голбец’.

1.3. Среднеязычные согласные². Фонема /т'/ – шумная, смычная взрывная, ртовая, глухая, палатальная. Встречается во всех позициях слова, однако ограничено в анлауте: 1) в анлауте может функционировать в позиции перед гласными переднего ряда ([т'е`рка] ‘дом, изба’, [т'и`яс] ‘руки’, [т'ин] ‘кто’) и в русских заимствованиях [т'ел'ега]; 2) в инлауте: [н'ет'и`н] ‘никто’, [с'о`j'от'е] ‘ешьте’, [ич'е`т'ик] ‘маленький’; 3) в ауслауте: [нат'] ‘грязь’, [кват'] ‘шесть’.

Фонема /д'/ – шумная, смычная взрывная, ртовая, звонкая, палатальная. Может выступать во всех позициях слова, но так же, как и согласный [т'], имеет ограничения в анлауте: 1) в анлауте встречается перед гласными переднего ряда ([д'и`жны] ‘писать’, [д'ез] ‘веревка’, [д'ид] ‘хлев’) и в русских заимствованиях ([д'евет'] ‘девять’, [д'е] ‘дескать, мол’, [д'ед]); 2) в инлауте: [м'од ко`д'д'ема] ‘по-другому’, [ве`кн'ыд'ик] ‘узенький’, [лы`д'д'ыны] ‘читать’; 3) в ауслауте: [бад'] ‘ива’, [сад'] ‘сознание, ум’, [дод'] ‘сани’.

Ограниченное функционирование согласных [т'] и [д'] в анлауте в языке кировских пермяков, как, впрочем, и в других коми диалектах, обусловлено их поздним образованием в общекоми период [Некрасова, 2000, с. 72–73].

Фонема /с'/ – шумная, щелевая срединная, ртовая, глухая, палатальная. В слове может занимать любое положение: 1) анлаут: [с'од] ‘черный’, [с'ера`лны] ‘смеяться’, [с'о`кыд] ‘тяжелый’; 2) инлаут: [па`с'кыд] ‘широкий’, [о`с'и`н] ‘окно’,

² По положению средней части спинки языка по отношению к твердому нёбу в коми языке мягкие согласные относят к среднеязычно-палатальным, в русском языке они характеризуются как переднеязычные палатализованные [Пунегова, 2012, с. 154].

[кос'тыны] 'сушить'; 3) ауслат: [пö'рыс'] 'старый', [пас'] 'шуба', [т'епы'с'] 'рукавицы'.

Фонема /з'/ – шумная, щелевая срединная, ртовая, звонкая, палатальная. Встречается во всех позициях слова: 1) в анлауте: [з'у'гны] 'путать, запутать', [з'еп] 'карман', [з'игö'дны] 'придавить, сжать'; 2) в инлауте: [у'з'ны] 'спать', [кöз'ыди'н] 'холодное место'; 3) [куз'] 'длинный', [сиз'] 'так', [оз'] 'рано'. В других коми диалектах данная фонема без ограничений функционирует в позициях инлаута и ауслата; в абсолютном начале слова она, как правило, наличествует в изобразительных, звукоподражательных словах и русских заимствованиях [Попова, Сажина, 2014, с. 57–58]. В исследуемом идиоме расширение сферы употребления согласного [з'] в анлауте произошло в результате деаффрикатизации ([ž'] > [з']).

Фонема /ч'/ – шумная, смычная аффриката, ртовая, глухая, мягкая. Позиционно не ограничена, функционирует: 1) в анлауте: [ч'ел'ад'] 'дети', [ч'ом] 'клеть', [ч'ера'н'] 'паук'; 2) в инлауте: [и'ч'öt] 'маленький', [ач'ым] 'я сам', [ö'ч'ч'ыд] 'однажды, один раз'; 3) в ауслате: [кöч'] 'заяц', [вöч'] 'делай', [гач'] 'штаны'.

Фонема /ž'/ – шумная, смычная аффриката, ртовая, звонкая, мягкая. Функционирует в анлауте и инлауте; в ауслате чаще всего субституируется щелевым [з'] (см. раздел 2.5.2). В результате перехода [ž'] в [з'] частотность данной фонемы ниже, чем в других коми диалектах. Примеры: 1) анлаут: [ž'игö'дны] 'давить, сжать', [ž'урты'с'ка] 'скрипучий', [ž'у'гс'öм] 'смешанный, запутанный'; 2) инлаут: [о'ž'зык] 'раньше', [жо'ž'öм] 'прокисший', [а'ž'ž'ыны] 'видеть'.

Фонема /н'/ – сонорная, смычная носовая, палатальная. Функционирует в любой позиции слова: 1) в анлауте: [н'ем] 'ничего', [н'иа] 'они', [н'е'чкыны] 'рвать'; 2) в инлауте: [сич'а'н'ын] 'там', [дырн'а] 'при, во время'; 3) в ауслате: [н'ат'] 'грязь', [кука'н'] 'теленок', [вöн'] 'пояс'.

Фонема /л'/ – сонорная, щелевая боковая, ртовая, палатальная. Функционирует: 1) в анлауте: [л'е'ч'чыны] 'спускаться', [л'е'з'алны] 'отпускать', [л'о'мпу] 'черемуха'; 2) в инлауте: [ко'л'ны] 'оставить', [мыл'а'тö] 'почему-то'; 3) [ул'] 'сырой, влажный', [о'мöл'] 'плохой', [выл'] 'новый'.

Фонема /j/ – сонорная, щелевая срединная, ртовая, палатальная. Встречается в пределах слова во всех позициях: 1) в анлауте: [jöл] 'молоко', [ju'ны] 'пить', [jöz] 'люди'; 2) в инлауте: [мо'jму] 'в прошлом году', [ба'л'а'јас] 'овцы', [сија] 'он(а)'; 3) в ауслате: [выj] 'масло', [aj] 'отец', [соj] 'сестра'.

1.4. Заднеязычные согласные. Фонема /к/ – шумная, смычная взрывная, ртовая, глухая, твердая. Может занимать в слове любое положение: 1) анлаут: [кин] 'кто', [ку'jлыны] 'лежать', [кö'з'ыд] 'холодный, холодно'; 2) инлаут: [ве'лкjöма] 'прикрытый', [ö'ткöн] 'в одиночку', [ч'у'кörtöм] 'согнутый'; 3) ауслат: [кок] 'нога', [сек] 'тогда', [лок] 'иди'.

Фонема /г/ – шумная, смычная взрывная, ртовая, звонкая, твердая. Функционирует: 1) в анлауте: [го'жым] 'лето', [га'жаисö] 'хотели', [га'рjыны] 'копать'; 2) в инлауте: [жуга'с'ны] 'сломаться', [бе'ргöдлыны] 'крутить', [гöгö'р] 'езде'; 3) [таг] 'хмель', [со'jtöг] 'без сестры'.

Фонема /х/ – шумная, щелевая срединная, ртовая, глухая, твердая. Функционирует в русских заимствованиях: [н'еохота] 'неохота', [кöзлуха] 'коза', [хöt] 'хоть', [колхознöjöс'] 'колхозные', [жөн'их] 'жених', [хлопöдö] 'хлопает', [ухват] 'ухват' и др. В нескольких случаях зафиксировано произношение звука [х] вместо [к] в некоторых русских заимствованиях ([л'ехар'] 'лекарь', [хрес] 'крест', [хр'осна] 'крестная') и даже в исконном слове [ырхыд] 'прохладный, прохладно' вместо [ыркыд].

2. Фонетические явления в области согласных

2.1. Варьирование [к] ~ [т'], [г] ~ [д'] в начале слова. В коми диалектах в абсолютном начале слова в позиции перед гласными переднего ряда [е], [и] наблюдается явление смягчения заднеязычных согласных [к], [г] и их переход в смычные палатальные [т'], [д']. Данное фонетическое явление в полной мере характерно для одних идиомов, отсутствует в других, в третьих наблюдается варьирование [к] ~ [т'], [г] ~ [д']. Язык кировских пермяков относится к третьему типу. В нем широко представлен переход [к] > [т'] ([т'ерка] 'дом', [т'епы'с'] 'рукавицы', [т'и] 'рука', [т'ин] 'кто'; реже [жерка], [ки], [кепы'с'], [кин]) и редко – [г] > [д'] ([гижны] 'писать', [гез] 'веревка'). Лишь в одном из говоров (д. Аверино) нами замечен регулярный переход [к] > [т'] и [г] > [д']: [т'епы'с'] 'рукавицы', [т'и] 'рука', [д'ез] 'веревка', [д'ижны] 'писать'.

2.2. Употребление [т']/[jt], [д']/[jd] в конце корневой морфемы. Одним из дифференцирующих признаков коми диалектов в области фонетики является корреспонденция [д']/[jd]; [т']/[jt] в конце корневой морфемы. Исследуемый идиом наряду с коми-пермяцкими и южными коми-зырянскими диалектами по данному признаку относится к так называемому [т', д']-типу диалектов: [н'ат'] 'грязь', [кват'] 'шесть', [сад'] 'сознание, память', [бад'] 'ива' и др. Однако так же, как и в южных зырянских диалектах, в ряде слов наблюдается произношение консонантного сочетания [jd]: [мајдö'г] 'мыло' (ср. южн. кз. [ма'jdög], кп. [мат'е'г]), [војдо'рлун] 'позавчера' (ср. южн. кз. [војдöрлун]/[војдорлун], кп. [од'о'рлун]).

2.3. Суффиксальный ауслатный [д]. В исследуемом наречии, как и в коми-зырянских диалектах, в ауслате суффиксальной морфемы употребляется звонкий согласный [д]: [пе'мыд] 'темный, темно', [вö'сныд] 'тонкий', [ко'кн'ыд] 'легкий', [пукс'ö'дны] 'посадить', [ви'з'öд] 'смотри'. Коми-пермяцким диалектам и коми-язьвинскому наречию в данном случае соответствует глухой [т]: [пемыт], [вöсн'ит], [кокн'ит] и др.

2.4. Выпадение согласных. Сочетания [ст], [с'т], [шт] в конце слова и середине слова перед согласными, наблюдаемые в ряде коми-зырянских диалектов, для языка кировских пермяков не характерны, в этих позициях наблюдается выпадение согласного [т]: [р'акö'сны] 'крикнуть', [бос'ны] 'взять', [бос'] 'возьми', [вешты'шны] 'подвинуть'. В положении перед гласными [т] восстанавливается: [уз'ышта] '(я) посплю немного', [бос'тин] '(ты) взял'. Аналогичное фонетическое явление характерно также для коми-пермяцких и южных зырянских диалектов. В исследуемых говорах звук [т] из сочетаний [ст], [с'т'] в рассматриваемой позиции последовательно выпадает и в русских заимствованиях: [новос'] 'новость', [покос'] 'пакость', [ес'] 'есть', [шöс'] 'шесть', [кр'осна] 'крёстная'. Звук [т] в русских заимствованиях может выпадать даже в позиции перед гласным: [облас'ын] 'в области', [кыз л'иса] 'с толстыми листьями'. Утрата конечного [т]/[т'] в сочетаниях [ст] и [с'т'] – диалектная особенность, характерная для всех русских говоров Кировской области: [хвос], [тракторис], [арт'ис], [надойес], [шерс'], [крепос'], [меснос'], [радос'] [Луппова, 1967, с. 240–241].

Для некоторых верхнекамских говоров (д. Порубово, д. Московская, д. Мирново) характерно явление выпадения звука [л] из состава глагольных суффиксов *-ал*, *-л* в формах прошедшего времени 1 и 3 лица ед. и мн. числа: [ви'с'тай] < [ви'с'тали] 'сказал', [га'жаисö] 'хотели', [пы'ртаимö] 'заносили', [с'е'раис] 'смеялся', [у'жаисö] 'работали', [ч'е'г'жаисö] 'ломали', [ч'е'ч'ч'аисö] 'прыгали', [мы'с'каисö] 'мыли'. Данное явление имеет место в верхнесысольском, среднесысольском диалектах коми языка [Жилина, 1975, с. 52; Колегова, Бараксанов, 1980, с. 16] и некоторых коми-пермяцких говорах [Баталова, 1975, с. 47].

2.5. Дезаффрикатизация. В консонантной системе верхнекамских говоров, как и в других коми диалектах, наличествуют четыре аффрикаты: [ч'], [ч], [ž'], [ž].

Парадигматика аффрикат в исследуемом наречии сохранилась, но синтагматика пережила определенные изменения. Наиболее устойчивой является аффриката [ч], она сохранилась во всех позициях в структуре слова: [ч'е'ч'ч'ыны] 'встать', [ач'ым] 'я сам', [ч'у'жны] 'родиться', [ч'е'лад'] 'дети', [ич'е'тик] 'маленький', [гач'] 'штаны'. Аффрикаты [ʒ], [ʒ], [ч] в ряде случаев субституировались соответствующими фрикативными согласными [з], [ж], [ш]. Как отмечают лингвисты, переход аффрикат в фрикативные наблюдался уже в прапермском языке; деаффрикатизации подвергались согласные в ин- и ауслауте, в анлауте аффрикаты не изменялись [Кельмаков, 1987, с. 35; Некрасова, 2000, с. 107]. Процесс деаффрикатизации затронул в разной мере все коми диалекты; в языке кировских пермяков он представлен наиболее широко. В исследуемых говорах рассматриваемый фонетический процесс протекал не совсем стандартно, однако можно выявить определенные тенденции.

2.5.1. [ч] > [ш]. Анализ диалектного материала показывает, что согласный [ч] подвергается деаффрикатизации в позиции перед гласным [ö]: [е'шшöм] < [ешчöм] 'такой', [кы'шöм] < [кычöм] 'какой', [се'шöм] < [сечöм] 'такой', [шö'ктыны] < [чöктыны] 'велеть, приказать'. В остальных положениях он, как правило, сохраняется: [ы'чкыны] 'косить', [чы'кны] 'портиться', [е'ча] 'мало', [пы'чкын] 'внутри' и др. В речи одного из информантов [ч] заменяется фрикативным [ш] во всех позициях: [е'ша] 'мало', [шак'я'лны] 'собирать грибы', [кы'шöм] 'какой', [шö'ктыны] 'велеть, приказать', [шы'нöдасö] 'окурят'.

2.5.2. [ʒ] > [з]. Переход данной аффрикаты в щелевой [з] в верхнекамских говорах представлен неравномерно. Как правило, аффриката сохраняется в анлауте слова ([ʒ'игö'дны] 'придавить', [ʒ'урты'с'ка] 'скрипучий') и в инлауте после согласного [д] ([а'ʒ'ʒыны] 'видеть', [ко'ʒ'ʒыны] 'опьянеть') с последующей аффрикатизацией корневого ауслаутного [д]. В остальных случаях чаще всего наблюдается замена аффрикаты щелевым [з]: [ви'зны] 'держать', [кы'з] 'как, каким образом', [кö'з'ыд] 'холодно, холодный', [мы'зны] 'устать', [ез'ика] 'так, таким образом', [го'ртöз] 'до дома' и др.

2.5.3. [ʒ] > [ж]. Анализ языкового материала свидетельствует о том, что [ʒ] сохраняется в составе компаративного суффикса -джык в позиции после гласного: [еча'зык] 'поменьше', [уна'зык] 'побольше', [прока'зык] 'сильнее' либо согласного [д]: [ыжы'žзык] < [ыжы'дзык] 'больше', [кöз'ы'žзык] 'холоднее', [шоны'žзык] 'теплее' с последующей аффрикатизацией корневого ауслаутного [д]. В остальных случаях аффриката [ʒ] чаще всего замещается щелевым [ж]: [жож] 'пол', [же'нды] 'короткий', [жо'з'ис] 'прокис', [жаж] 'полка', [пöры'с'жык] 'старше', [ы'жыд] 'большой', [ужа'лны] 'работать', [ша'н'жык] 'более хороший, лучше', [то'мжык] 'более молодой, моложе', [ежыд] 'белый'. Выявленная закономерность не абсолютна, имеется ряд исключений. К примеру, в нескольких идиолектах нами отмечено: 1) наличие анлаутного [ʒ]: [žын] 'половина', [žож] 'пол', [žены'д'ик] 'коротенький'; 3) наличие инлаутного [ʒ] в составе компаративного суффикса в позиции после щелевого [с], подвергшегося последующей аффрикатизации: [пöры'žзык] < [пöрыс'зык] 'старше', [гыры'žзык] < [гырыс'зык] 'крупнее'.

2.6. Ассимиляция согласных. В языке кировских пермяков наблюдаются ассимилятивные явления в области согласных.

Довольно распространенным видом прогрессивной ассимиляции является уподобление мягким согласным [д'], [з'], [л'], [н'], [с'], [т'], [ч'] последующего [j]. Такой ассимиляции подвергаются: 1) инициальный [j] суффикса множественного числа существительных -jас: [ка'н'н'ас] < [ка'н'jас] 'кошки', [па'н'н'ас] 'ложки', [раста'н'н'ас] 'перекрестки'; [свиде'тел'л'ас] 'свидетели', [кöлöкöл'е'ч'ч'ас] 'колокольчики', [кöсты'л'л'ас] 'костыли', [лö'з'з'ас] 'оводы', [уго'л'л'ас] 'угли', [до'д'д'ас] 'сани', [па'с'с'ас] 'шубы'; [вö'н'н'ас] 'пояса'; 2) глагольный суффикс *й*:

[дод'д'ас'асö] 'запрягут коня'; 3) звук [j] в русских заимствованиях: [ил'л'а] 'Илья', [вас'ил'л'евич] 'Васильевич', [афанас'с'а] 'Афанасья'.

В ряде случаев наблюдается первоначальное смягчение согласным [j] предыдущего согласного, а затем уподобление мягким согласным последующего [j], т. е. регрессивно-прогрессивный тип ассимиляции: [ко'слун'н'а] < [кослун'ја] < [кослунја] 'постный', [у'л'л'ун'н'а] < [ул'л'ун'ја] < [ул'л'унја] 'скромный'.

Особый интерес вызывают примеры, в которых мы наблюдаем ассимиляцию твердым согласным инициального [j] суффикса множественного числа существительных: [с'и'ннас] < [с'и'нјас] 'глаза'; [зо'ннас] 'сыновья'; [дöрö'ммас] 'рубашки'. Таких примеров немного, они зафиксированы в одном говоре и, возможно, демонстрируют следующую ступень трансформации суффикса множественного числа. Сравните, в большинстве коми-пермяцких говоров начальный [j] суффикса множественного числа ассимилируется любым конечным согласным основы: [поннэз], [шыррээз], [кан'н'ээз]. В. И. Лыткин отмечал, что явление уподобления [j] предшествующим твердым согласным, наблюдаемое в коми-пермяцких формах множественного числа, нельзя считать обычным для пермских языков. В связи с этим ученый высказал предположение о появлении примеров с ассимиляцией [j] после твердых согласных под влиянием форм, в которых [j] уподобляется конечному мягкому основу [Лыткин, 1961, с. 43]. На наш взгляд, верхнекамские примеры как раз подтверждают гипотезу ученого.

Из видов регрессивной ассимиляции в верхнекамском наречии широко представлены:

1) аффрикатизация, заключающаяся в уподоблении взрывных [д] и [т] последующим аффрикатам: [ö'ч'ч'ыд] < [ötч'ыд] 'однажды, один раз', [мö'ч'ч'ыд] < [мödч'ыд] 'в другой раз', [шоны'žžык] < [шоныдžык] 'теплее', [ви'ч'ч'ыны] < [видч'ыны] 'ругаться', [лö'с'öч'ч'öнö] < [лös'öдч'öнö] 'готовятся', [се'ч'ч'ö] < [сетч'ö] 'туда', [та'ч'ч'ö] < [татч'ö] 'сюда', [вес'кö'ч'ч'ыны] < [вес'кödч'ыны] 'выпрямиться';

2) оглушение, при котором звонкие (парные) согласные, функционируя перед глухими согласными, переходят в свою глухую корреляту: [мö'тсö] < [мöдсö] 'другого', [га'штöм'с'ис] < [гажтöм'с'ис] 'соскучился', [бытти] < [быдти] 'вырастил', [ос кол] < [оз кол] 'не надо', [ок төд] < [ог төд] 'не знаю'.

Довольно редко в верхнекамском наречии встречаются альвеоизация ([кыжжык] < [кызжык] 'толще') и палатализация ([ес'с'еч'ч'ы] < [ес'с'еч'ч'ы] 'не поддался').

2.7. Другие фонетические явления. В исследуемых говорах наблюдаются случаи метатезы, причем не только в исконных словах, но также и в русских заимствованиях: [у'рдыл] < [улдор] 'низ', [ве'рдыл] < [велдор] 'верх', [кыны'м] < [кымын] 'сколько', [доло'н'] 'ладонь', (Троица) [ве'рма] < [времја] 'во время Троицы'.

В речи многих носителей в некоторых исконных словах перед гласным [е] отмечается протетический [j]: [јем] < [ем] 'есть, имеется', [јен] < [ен] 'ты не...', [јег] < [ег] 'я не ...', [је'нöлтисö] 'оставили'. Данное явление характерно также для коми-пермяцких и коми-язьвинских говоров и не свойственно коми-зырянским (даже южным) диалектам [Некрасова, 2001, л. 114].

В то же время слова, бытующие в коми диалектах с анлаутным [j], в исследуемых говорах чаще произносятся без него: [ен] 'бог' (ср. кз. кп. [јен]), [ел'дöг] 'груздь' (ср. кз. кп. [јел'дöг]), [ежыд] 'белый' (ср. кз. [јежыд]), [ирны] 'грызть' (ср. кз. кп. [јирны]). Отпадение фонемы /j/ в анлауте перед фонемой /и/ (реже /ы/) имеет общекоми характер, различия в диалектах наблюдаются в количестве основ с отпадением анлаутного [j] [Некрасова, 2001, л. 113]. Выпадение [j] в словах [ен] 'бог', [ел'дöг] 'груздь', [ежыд] 'белый' характерно только для языка кировских

пермяков, в слове [ирны] ‘грызть’ также для лузско-летского и удорского диалектов.

Для верхнекамского наречия характерно еще одно специфическое явление: смягчение анлаутного [л] перед гласным [e]: [л'е'ч'ыд] ‘острый’, [л'е'з'ны] ‘отпустить’, [л'е'бны] ‘лететь’, [л'е'ч'ыны] ‘спускаться’. Данное явление находит параллели в среднесысольском диалекте коми языка.

Выводы

Консонантизм исследованного идиома обнаруживает ряд специфических особенностей. Одни из них имеют общекоми характер, другие свойственны ареалу коми-пермяцких и южных зырянских диалектов; третьи находят параллели лишь в южных коми-зырянских диалектах, что, возможно, свидетельствует об их исторической общности. Определенное влияние на систему согласных исследуемого идиома оказали окружающие русские говоры.

Список литературы

- Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.
Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М., 1975.
Кельмаков В. К. Прапермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // Советское финно-угроведение. 1987. № 1. С. 34–44.
Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесысольский диалект коми языка. М., 1980.
Луптова Е. П. К вопросу о распространении диалектных особенностей в области согласных в говорах Кировской области // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 239–257.
Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I: Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957.
Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
Некрасова Г. А. Коми кывлӧн исторической фонетика. Сыктывкар, 2000.
Некрасова Г. А. Функционирование фонемы j в диалектах коми-зырянского языка // *Linguistica uralica*. 2001. No. 2. L. 112–121.
Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар, 2014.
Пунегова Г. В. Типология согласных в разносистемных языках: на материале коми и русского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 5(16). С. 149–154.

Список сокращений и условных обозначений

Диалекты: **вс.** – верхнесысольский диалект коми языка; **кз.** – коми-зырянские диалекты; **кп.** – коми-пермяцкие диалекты; **уд.** – удорский диалект коми языка; **южн. кз.** – южные коми-зырянские диалекты.

Знаки коми научной транскрипции, используемые в статье для обозначения специфических фонем коми языка: **ʒ** – шумная смычная какуминально-альвеолярная звонкая аффриката; **ʒ'** – шумная смычная среднеязычно-палатальная звонкая аффриката; **ч** – шумная смычная какуминально-альвеолярная глухая аффриката; **ч'** – шумная смычная среднеязычно-палатальная глухая аффриката.

Дополнительные знаки: (') – мягкость согласного; (ˀ) – ударение.

S. A. Sazhina

The consonantism of the language of the Kirov Permians

The paper considers the specificity of the language of the Kirov Permians, a territorial variety of the Komi language, functioning under the conditions of disconnection from the basic ethnic massif and strong influence of the surrounding Russian dialects. The subjects of the present investigation have been the phonetic peculiarities of the language under study. In particular, attention has been given to the system of consonantism: articulation characteristics, distribution of consonants, and phonetic phenomena in the area of consonants. The empirical base of the research was made up from the language materials of the author's dialectological expeditions to the area of Kirov Permians' residence during the period 2002 – 2012. Revealed in the consonantism of the investigated idiom are the specific features: 1) having the common-Komi character, 2) characteristic of the area of the Komi-Permian and southern Zyryan dialects, 3) revealing parallels only in the southern Komi-Zyryan dialects. The surrounding Russian dialects have exerted certain influence on the system of consonants of the investigated idiom.

Keywords: dialectology, the Komi-Permian language, the Komi language, Kirov Permians, phonetics, consonantism.

DOI 10.17223/18137083/54/29